

Долгая “Ночь после выпуска”

К 20-летию со дня смерти Владимира Тендрякова

В. Тендряков

ны думать и видеть, как думает и видит т. Викулов.

Письмо, на мой взгляд, стоит того, чтобы привести его полностью, ибо оно характеризует как его автора, так и нравы руководителей некоторых печатных органов:

“Главному редактору журнала “Наш современник” т. Викулову С.В. Редакция журнала при Вашем непосредственном и активном участии в октябре прошлого года высказала по моей повести “Ночь после выпуска” ряд замечаний. И то, что Вы рассчитывали на быстрое их исправление (шел разговор о каких-то двух неделях), то, что Вы планировали мою повесть на ближайший номер – № 1 за 1974 год, – говорит не о кардинальном, а частном характере этих замечаний. Тем не менее, как Вам хорошо известно, я к своей повести отнесся более строго, чем Вы, работал над нею не две недели, а четыре месяца переделал ее (имея в виду и Ваши замечания) всю от первой страницы до последней. Сдача повести совершенно случайно совпала с Вашим отсутствием, однако редакция приняла повесть, отредактировала ее вместе со мною, поставила в номер. И вот тут-то появляется Вы, решительно и бесповоротно снимаете повесть на том лишь основании, что Ваши взгляды на нынешнюю молодежь не сходятся с моими взглядами.

Во-первых, позволительно спросить, почему мои взгляды на жизнь, на людей, на современные проблемы должны полностью совпадать с Вашими? Почему Ваш взгляд на ту же молодежь должен быть непременно верней, глупее, гуманней, чем мой или какого другого автора? Только потому, что Вы занимаете пост главного редактора и это сознание чисто должностного преимущественно дает Вам право считать свои мнения абсолютно, непреложно, единственно верными, им обязаны подчиняться все, кто переступает порог Вашей редакции? Я этого разделить не могу.

ли с Тендряковым. Он был искренен и непосредствен в своих размышлениях. Многие его суждения я разделял, кое о чем спорили. Порой его оценки событий и явлений были столь резкими и прямолинейными, что я просил его нигде громко подобное не говорить. Он отмахивался: “А-а, надоело бояться”

Мое уважение и симпатии к нему укрепились, наши отношения в дальнейшем переросли в дружеские.

На четвертом съезде писателей СССР (1967) и на последующих пятом (1971), шестом (1976) и седьмом (1981) съездах В.Тендряков избирался членом правления Союза советских писателей. Сам Тендряков этому избранию не придавал никакого значения. Во всяком случае, на том же четвертом съезде В.Тендряков, зная, что его кандидатура будет выдвигаться для голосования в состав правления, направил в президиум съезда записку с требованием зачитать делегатам письмо А.Солженицына съезду об отмене предварительной цензуры и обсудить это письмо на съезде. Президиум съезда решил не обсуждать письмо Солженицына на съезде, а сделать это с участием Солженицына на заседании избранного съездом нового состава секретариата правления Союза писателей СССР. И позже такое заседание состоялось, но, увы, к пониманию сторон оно не привело.

В феврале 1970 года, когда секретариат правления Союза писателей СССР перереформировал состав редколлегии журнала “Новый мир” и главный редактор журнала А.Твардовский в знак несогласия с этим решением подал в отставку, В.Тендряков совместно с писателями К.Симоновым, В.Кавериним, Б.Можаевым, Ю.Нагибиним, М.Исаковским, Е.Евтушенко, А.Вознесенским (всего 14 человек) выступили с письмом в защиту А.Твардовского.

Позже, в мае 1970 года, В.Тендряков вместе с А.Твардовским ездил в Калугу в областную психиатрическую больницу, в которую насильственно был помещен ученый-биолог Жорес Медведев, и добивался вызволения ученого из психушки. И добились.

Какое-то время В. Тендряков был членом редколлегии журнала “Наш современник” Но в начале 1974 года, когда главный редактор журнала С.Викулов отказался печатать повесть В.Тендрякова “Ночь после выпуска” (уже после того, как автор доработал повесть по замечаниям редакции и самого С.Викулова, и повесть была поставлена редколлегией в очередной номер журнала), он написал С. Викулову гневное письмо и вышел из состава редколлегии.

В письме, которое В.Тендряков направил в ЦК КПСС на мое имя, он писал: “В качестве информатора о своем выходе из редколлегии журнала “Наш современник” посылаю Вам копию своего письма главному редактору журнала т. Викулову. Нахожу поведение т. Викулова по отношению к себе крайне нетактичным, без нужды оскорбительным. Выяснение отношений привело только к тому, что т Викулов заявил о решительном несходстве наших взглядов. Вполне возможно. Не считаю, что все долж-

свои принципы. В его душе, может быть, впервые в жизни просыпается сострадание, и он, не обращая внимания на разные пересуды окружающих, бросается спасать несчастную, и, кажется, ему это удается. Да ведь ради этого и написана повесть! За что же запрещать ее?”

Разговор о “Находке” с начальником Главлита получился трудным. Он пропускал мимо ушей все мои доводы и твердил одно: очернительство, клевета на советский образ жизни, такое печатать нельзя... Я “подъезжал” к нему с разных сторон: ну, смотрите, говорил я, каким прекрасным русским языком написана повесть – ясным, сочным, истинно народным.

– При чем тут язык? – отмахивался Романов. – Для нас главное не это. Нам важна идейная направленность повести, ее идейно-партийное содержание. А какие тут критерии? Ясно какие, – буркнул Романов. – Чтобы во славу партии, советской власти и советского человека было написано.

– Но тогда все произведения советских писателей будут похожи друг на друга, как телеграфные столбы. А как же быть тогда, к примеру, с Шолоховым? Можно ли вменить его роман “Тихий Дон” в рамки идейности и партийности?”

– Да ведь и в те годы Александр Фадеев – редактор журнала “Октябрь” – отказался печатать роман, требовал крепко поправить его идейную направленность, – отрезал Романов. – Только по прямому указанию Сталина роман и опубликовали.

– Ну чего же мы будем загружать секретариат ЦК маленькой повестью, свободной от какой-либо политики?”

– Вы берете на себя ответственность? – в лоб спросил меня Романов.

– По-моему, никаких оснований не печатать повесть по цензурным соображениям нет. А ответственность уже взял на себя, как и положено, главный редактор журнала “Новый мир” А.Твардовский. Я на его стороне.

Возможно, П.Романов решил в данном случае не обострять отношений с сектором художественной литературы Отдела культуры ЦК КПСС, но после нашего разговора “Находка” В.Тендрякова была подписана цензурой в печать и вышла в свет

Так началось мое многолетнее, до самой его безвременной кончины, знакомство с Владимиром Федоровичем Тендряковым.

Вышедшую отдельной книгой “Находку” В. Тендряков подарил мне с надписью: “Альберту Беляеву, повзвальной бабушке при трудных родах рождавшейся повести, с благодарностью от родителя. В.Тендряков, 16.XI.66”

А познакомились мы, я и моя жена, с Тендряковым и его супругой Натальей Григорьевной летом 1966 года во время поездки в Болгарии, на отдых в Дом творчества болгарских писателей в Варне, на берегу Черного моря. Тендрякова хорошо знали в Болгарии, его произведения много раз издавались в стране, о них писались статьи, диссертации и книги.

За неделю пребывания в Доме творчества мы о многом переговорили

говорить лестное, а делать прямо противоположное? И так ли уж нужна, наконец, Вам моя помощь?”

Лично мне хотелось бы думать, что произошло досадное недоразумение, что Вы вовсе не двуличный, не спесивый и не бесчестный человек. Но для этого Вы должны открыто признаться, что поступили непорядочно, а признав это, сделать и другой неизбежный шаг – принести мне свои извинения. Если этого не произойдет, если Вы и дальше будете считать себя правым, а свое поведение достойным, то мне ничего не остается, как порвать с Вами всякие отношения, потребовав, чтобы меня вывели из состава редколлегии. И я прекрасно понимаю, что у Викулова, убежденного в своей правоте и своем превосходстве, это вызовет только чувство удовлетворения.

Однако я все еще рассчитываю на наше взаимопонимание. 25 февраля 1974 года. В.Тендряков.”

“Ночь после выпуска” была опубликована В.Тендряковым в другом журнале. Автору надоело преодолевать рогатки Главлита, который увидел в повести клевету на советскую систему образования, обвинил автора в искажении облика советской молодежи, которая, по мнению Главлита, предстает в повести безыдейной, беспринципной, аморальной и т.п. Главлит не давал разрешения на выпуск повести в свет. Донесение Главлита попало к секретарю ЦК КПСС по идеологии П.Демичеву. Тот вызвал меня и спросил: в чем тут дело? Знаком ли я с конфликтом в связи с повестью Тендрякова?”

Я рассказал П.Демичеву историю вопроса, показал письмо Тендрякова С.Викулову, по пунктам разобрал претензии Главлита и высказался за публикацию повести. П. Демичев пообещал прочитать верстку повести.

Через несколько дней он опять вызвал меня к себе и сразу сказал: согласен с тем, что повесть надо печатать. Он отозвался о повести неожиданно тепло и, как мне показалось, свольнованно: Тендряков написал сильную и острую вещь, лично он, Демичев, думает и оценивает ситуацию в нашей советской школе так же, как автор, и при встрече он полагает его за прекрасную повесть. “Оформите быстро записку в ЦК КПСС с предположением, как обычно, передать вопрос о публикации” на усмотрение редколлегии.”

Через пару дней согласие секретариата было получено, и я с удовольствием передал его по телефону начальнику Главлита П.Романову. Повесть пошла в печать. Ее публикация вызвала большой интерес у читателей. В школах и педагогических вузах прошли сотни дискуссий, ее перевели на многие языки. В Дрездене поставили по этой повести спектакль. Автор был приглашен на премьеру. Вернувшись, он подарил мне рекламный плакат-афишу спектакля. На одной стороне плаката – портрет Тендрякова с кратким описанием его творческого пути, состав артистов, занятых в премьерном спектакле, а на другой – портрет обнаженной старшеклассницы, стоящей во весь рост и прикрывающейся аттестатом зрелости и букетиком полевых цвет-

ков. Слева от ее головки напечатано (по-немецки): “Ночь после выпуска” Пьеса Владимира Тендрякова” Справа – “Городской театр Дрездена” А внизу, справа, на уровне бедер девушки, В.Тендряков написал от руки: “Превращаюсь в деву я – /Вот она в раздетости! – /Срам невинный сгоряч! В аттестате зрелости. /То ли еще будет! /То ли еще будет! /То ли еще будет! /Ой-ей-ей!”

Иронически посмеиваясь, он говорил: “Вот видишь, как немцы завлекают зрителей на спектакль Тендрякова – голая красотка, а на обороте – мой портрет!” Он остался доволен спектаклем и тем, как радушно принимали его немцы.

Почти все повести и романы, написанные В.Тендряковым (“Свидание с Нефертити”, “Кончина” “Три мешка сорной пшеницы”, “Весенние перевертыши”, “Шестьдесят свечей” и другие), проходили цензуру с большими сложностями.

К примеру, в повести В.Тендрякова “Апостольская командировка” Главлит увидел проповедь богоискательства, что было по тем временам тяжким обвинением. Хотя, в сущности, повесть была не о том.

Владимир Тендряков был, пожалуй, единственным советским писателем, который не боялся говорить в своих произведениях о религии в безбожном советском обществе. Его повесть “Чудотворная”, “Чрезвычайное” “Апостольская командировка” широко читались и обсуждались.

Запретительную записку Главлита по “Апостольской командировке” удалось “спустить на тормозах”, получила разрешение секретариата ЦК КПСС передать вопрос о публикации повести “на усмотрение редколлегии журнала” Это был научно-просветительный атеистический журнал “Наука и религия”. Выбор именно этого журнала для публикации повести во многом и определил положительное решение секретариата ЦК КПСС. Потому она многократно переиздавалась и в СССР, и за рубежом.

При жизни В.Тендряков успел издать четырехтомное собрание своих сочинений. Оно вышло в конце 1970-х прошлого века сотысячным тиражом. В эти четыре тома вошла лишь часть из написанного и напечатанного писателем. Но в те далекие годы были большие трудности с бумагой и издательства безжалостно сокращали количество, объемы и тиражи собраний сочинений советских писателей.

В августе 1984 года Владимир Тендряков сделал обычную для него утреннюю пробежку по лесу, вернулся на дачу и, разгоряченный, встал под холодный душ. И упал. Остановилось сердце. Так неожиданно закончился жизненный путь талантливейшего писателя-фронтовика, участника Великой Отечественной войны Владимира Федоровича Тендрякова.

После его смерти вдова писателя Наталья Григорьевна опубликовала около двухсот печатных листов художественных произведений В.Тендрякова, написанных им и лежавших в столе. И еще примерно столько же ждет своей очереди.

Альберт БЕЛЯЕВ